

Категории преступлений и алгоритм их установления

Categories of crimes and the algorithm for establishing them

Герасимов А.М.

Канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии
e-mail: amgerasimov@list.ru

Gerasimov A.M.

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Criminal and Penal Law, Saratov State Academy of Law
e-mail: amgerasimov@list.ru

Аннотация

В работе обосновывается законодательная модель категоризации преступлений, адаптированная к конкретному деянию, охватывающему наряду с типовыми признаками криминообразующего состава обстоятельства содеянного и личность виновного. Цель работы сводится к определению алгоритма установления категории преступления, отражающей уровень его общественной опасности. Методологической основой исследования выступил диалектический метод как универсальный инструмент познания в сочетании с методикой догматического (формально-юридического) анализа и дискурс-анализа. На их основе сделано заключение о том, что категории преступлений представляют собой формально обособленные группы составов преступлений, вопрос о принадлежности к которым конкретных общественно опасных деяний решается судом исходя из обстоятельств содеянного и с учетом личности виновного лица. В представленной формулировке акцент смещается именно на преступление, поскольку на практике правоприменителю важно установить не категорию типового криминообразующего состава, а конкретного деяния. Смысл категоризации преступлений сводится к тому, чтобы подчеркнуть один из четырех уровней общественной опасности совершенного поступка.

Ключевые слова: преступление, категории преступлений, характер общественной опасности, степень общественной опасности, уровень общественной опасности.

Abstract

The work justifies the legislative model of categorization of crimes, adapted to a specific act, covering, along with the typical features of the criminal composition, the circumstances of the crime and the identity of the perpetrator. The purpose of the work is to determine the algorithm for establishing a category of crime that reflects the level of its public danger. The methodological basis of the study was the dialectical method as a universal tool of cognition in combination with the method of dogmatic (formal-legal) analysis and discourse analysis. On their basis, it was concluded that the categories of crimes are formally separate groups of crimes, the issue of belonging to which of specific socially dangerous acts is decided by the court on the basis of the circumstances of the act and taking into account the identity of the perpetrator. In the wording presented, the emphasis shifted to the crime, since in practice it was important for a law enforcement officer to establish a specific act rather than a category of model crime-forming composition. The meaning of categorizing crimes is to emphasize one of the four levels of social danger of the act committed.

Keywords: crime, categories of crimes, nature of public danger, degree of public danger, level of general danger.

Категоризация преступлений в уголовном праве приобрела роль фундаментальной классификации преступлений, предопределяющей реализацию целого ряда уголовно-правовых институтов. Несмотря на ее столь высокую значимость, представители уголовно-правовой теории зачастую не сходятся во мнении относительно общего понятия, основания и критериев выделения категорий преступлений. Неоднозначно исследователями истолковывается их значение в уголовном законодательстве и правоприменительной практике. Обосновываемые в настоящем исследовании идеи относительно понятия уголовного правонарушения, преступления, общественной опасности и уголовного проступка позволяют представить новые модели решений обозначенных вопросов.

Обращаясь к содержанию теоретического материала, непосредственно посвященного заявленной тематике, изначально проанализируем одну из первых развернутых дефиниций категорий преступлений, предложенных Н.Г. Кадниковым. «Категория преступлений – обособленная группа определенных видов преступлений, объединенных общностью признаков, выделяемых уголовным законом в системе однородных, себе подобных явлений, в основе которых лежит их тяжесть, выраженная в типовой санкции, и за совершение которых предусмотрены специфические уголовно-правовые последствия» [1, с. 11]. Сразу же обращает на себя внимание то обстоятельство, что исследователь формулирует понятие не категорий преступлений как некой завершенной системы, а отдельной категории преступлений. Тем не менее остановимся на содержании представленного определения подробнее.

Исходным признаком категорий преступления автором называется «обособленная группа определенных видов преступлений, выделяемых уголовным законом в системе однородных, себе подобных явлений». Его детальный анализ обнаруживает ряд аспектов, побуждающих к полемике. Во-первых, употребляя фразу «виды преступлений, выделяемые уголовным законом», Н.Г. Кадников со всей очевидностью апеллирует к тем разновидностям преступных посягательств, которые предусматриваются Особенной частью уголовного законодательства. С учетом криминальной направленности оцениваемых деяний в ее структуре образуются разделы, главы, группы статей, отражающие различные уровни взаимосвязи преступных посягательств. Иные виды преступлений, которые было бы правомерно называть однородными, российскому уголовному праву неизвестны. Однако в ст. 15 УК РФ не приводятся какие-либо перечни преступлений, испытывающие принадлежность к соответствующим категориям. Законодатель ограничивается тем, что обозначает критерии, посредством которых категории преступлений устанавливаются.

Во-вторых, обособленная группа преступлений, по концепции Н.Г. Кадникова относящаяся к той или иной категории преступлений, выделяется «уголовным законом в системе однородных, себе подобных явлений». Отсюда прямо вытекает, что речь идет об обособленной группе составов преступлений, предусмотренных уголовным законом. Говоря предметнее, «выделяться» уголовным законом может исключительно состав преступления, тогда как конкретное преступление на его основании констатируется обвинительным приговором суда. Сделанное уточнение немаловажно, поскольку понятие обособленной группы составов преступлений с момента принятия УК РФ достаточно длительное время полностью отражало сущность категоризации преступлений. Уголовный закон и практика его применения ориентировались на формальное установление категории каждого состава преступления по заданным законодателем параметрам вне зависимости от конкретных обстоятельств содеянного и индивидуальных характеристик преступника. Представленный подход заручился поддержкой представителей уголовно-правовой теории. По мнению Т.В. Кленовой, «при определении характера и степени общественной опасности преступлений для целей категоризации преступлений усмотрение правоприменителя, по общему правилу, не допускается. Это компетенция законодательных органов» [2, с. 142].

Ситуация принципиально поменялась в 2011 г. с дополнением ст. 15 УК РФ ч. 6, наделившей суд правом изменять категорию преступления на менее тяжкую. Механизму становления категорий преступлений был адаптирован к конкретному преступлению, включающему наряду с типовой моделью криминообразующего состава динамичные и весьма гибкие элементы уголовного правонарушения, которые охватывают обстоятельства совершенного деяния и личность виновного.

Принятое нормотворческое решение позволяет сделать заключение о том, что категории преступлений представляют собой формально обособленные группы составов преступлений, вопрос о принадлежности к которым конкретных общественно опасных деяний решается судом исходя из обстоятельств содеянного и с учетом личности виновного лица. В представленной формулировке акцент смещается именно на преступление, поскольку на практике правоприменителю важно установить не категорию типового криминообразующего состава, а конкретное деяние.

Продолжая анализ сформулированной Н.Г. Кадниковым дефиниции, стоит заострить внимание на обозначенном основании выделения категорий преступления. В качестве такового предлагается считать тяжесть преступлений, выраженную в типовой санкции. Содержательно тяжесть преступления определяется как «интегрирующий показатель диалектического единства, взаимосвязи и взаимозависимости характера и степени его общественной опасности, индикатором которой, по воле законодателя, выступает с одной стороны, санкция, а с другой, отнесение им того или иного преступления к определенной категории» [1, с. 11].

Учитывая содержание действующего уголовного закона и разработки современной уголовно-правовой теории, представленную позицию нельзя считать бесспорной. Аргументируя сказанное, можно привести два весомых довода. Первый касается убедительности утверждения, согласно которому понятие «характер и степень общественной опасности» тождественно понятию «тяжесть» преступления [1, с. 35]. Подобное тождество вызывает сомнение относительно ценности вводимого в научный оборот понятия. Комментируя данное обстоятельство, Б.Т. Разгильдиев справедливо отмечает: «Категория "тяжесть" в контексте ст. 15 УК РФ законодателем используется в качестве более высокого уровня обобщения. Полагаем, что необходимость такого рода обобщения может обосновываться только тем, что слово "тяжесть", во-первых, более точно отражает уровни общественной опасности, нежели категория "общественная опасность", во-вторых, по своему содержанию "тяжесть" более содержательна и понятна правоисполнителям и правоприменителям» [3, с. 138].

Еще один аргумент против отождествления общественной опасности и тяжести преступления связан с тем, что на сегодняшний день законодатель заведомо не относит то или иное посягательство к строго определенной категории. Он ограничивается установлением критериев отнесения общественно опасного деяния к одной из четырех категорий преступлений, предоставляя суду возможность изменять ее на одну позицию.

Сформулированные суждения полностью соответствуют представленному в ч. 1 ст. 15 УК РФ положению, по смыслу которого основанием категоризации преступлений выступают характер и степень общественной опасности. В специальной литературе подобный подход нередко становится предметом критических замечаний. Так, Ф.Н. Сотсков, настаивая на том, что одна классификация должна выстраиваться на одном критерии, сформулировал следующее предложение: «Категоризацию преступлений следует строить строго по одному критерию – степени их общественной опасности» [4, с. 11].

В представленных суждениях обращает на себя внимание необоснованное отождествление Ф.Н. Сотсковым основания и критериев категоризации преступлений. Но это далеко не самое главное. По существу высказанных упреков законодателю Л.В. Лобанова и Л.Н. Ларионова справедливо подчеркнули: «Поскольку тождества в наборах признаков составов преступлений разных видов нет и быть не может, различие между преступлениями разных видов нужно усматривать именно в характере общественной опасности содеянно-

го, причем для нормативной дифференциации преступлений по уровню их общественной опасности этого критерия было бы вполне достаточно, если бы законодатель не придавал существенного значения внутривидовым различиям преступлений... Необходимостью принятия во внимание и межвидовых, и наиболее важных внутривидовых различий преступлений и объясняется, на наш взгляд, потребность в использовании при их категоризации как относительно стабильного параметра меры общественной опасности преступления – характера последней, так и подвижной характеристики этой меры – степени общественной опасности деяния» [5, с. 56].

Таким образом, характер общественной опасности каждого преступления отражен типовым составом преступления, предусмотренным уголовным законом. Будучи формально усредненным, характер общественной опасности предопределяет логику построения уголовно-правовых санкций. Все без исключения уголовно-правовые санкции относительно определенные и обладают достаточными границами для того, чтобы дать объективную оценку любому общественно опасному деянию одного рода. Особую роль играет верхний предел санкции нормы уголовного закона, позволяющий сделать предварительный вывод о принадлежности соответствующего посягательства к той или иной категории преступлений. Но такого рода вывод будет именно предварительным, поскольку для окончательного решения о принадлежности конкретного преступного посягательства к соответствующей категории суду необходимо установить степень его общественной опасности. К разряду признаков, определяющих степень общественной опасности преступления, относятся обстоятельства содеянного и характеристики личности виновного, которые не влияют на уголовно-правовую квалификацию. В итоге предварительный вывод о категории совершенного преступления суд подтверждает либо с учетом пониженной степени общественной опасности содеянного изменяет изначально заданную категорию на менее тяжкую.

Руководствуясь изложенным, алгоритм определения правоприменителем категории преступления логично представить с позиции двух последовательных действий. По формально заданному критерию, позволяющему дифференцировать составы преступлений исходя из характера отражаемой ими общественной опасности, констатируется предварительная принадлежность учиненного деяния к той или иной категории. С учетом степени общественной опасности содеянного принимается решение о подтверждении предварительно установленной категории преступления или ее изменении на менее тяжкую.

Смысл категоризации преступлений сводится к тому, чтобы подчеркнуть один из четырех уровней общественной опасности совершенного деяния. Реализация задуманного требует уголовно-правовых критериев, позволяющих определить отправную категорию того или иного состава преступления. Поставленная задача решена на законодательном уровне. В соответствии со ст. 2-5 ст. 15 УК РФ формальная принадлежность преступления к определенной категории обусловлена двумя критериями, роль которых на сегодняшний день играют срок наказания в виде лишения свободы и форма вины.

Относительно первого из обозначенных критериев категоризации преступлений некоторые представители уголовно-правой доктрины высказывают критические замечания. Так, по мнению Г.П. Новоселова, «не вступая в противоречие с логикой, необходимо заключить, что общественная опасность преступления и предусмотренное за него законом наказание могут рассматриваться как два самостоятельных основания классификации: первое позволяет выделить разные по тяжести виды или категории преступлений; второе – разные по тяжести уголовно-правовые санкции» [6, с. 105]. Исследователь полагает, что в основу категоризации преступлений следует заложить «не общественную опасность содеянного, а особенность его правовых последствий – предусмотренного наказания» [6, с. 105].

Процитированные суждения достаточно спорные. Основная неточность Г.П. Новоселова состоит в том, что он пытается усмотреть противоречивость уголовного закона в использовании ст. 15 УК РФ двух самостоятельных оснований классификации преступлений

и уголовно-правовых санкций. Однако сделанный вывод расходится с уголовно-правовой логикой. Исследователем явно не различаются понятия «основание категоризации» и «критерий категоризации». На самом деле первое (общественная опасность преступления) является материальной предпосылкой второго (максимальный предел наказания, предусмотренный за преступление). Что особенно важно, объективная связь между общественной опасностью преступления и содержанием грозящего за его совершение наказания доведена до уровня уголовно-правового принципа. Согласно содержанию ст. 6 УК РФ уголовное наказание должно быть справедливым, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления.

В уголовно-правовой литературе А.М. Трухиным высказано мнение о том, что санкция нормы уголовного закона не может в полном объеме выступать мерилем общественной опасности преступления. Авторская позиция выстраивается на базе концепции, разделяющей общественную опасность преступления и общественную опасность преступника. Ключевой посыл сводится к тому, что предусмотренное уголовно-правовой санкцией наказание не в состоянии учесть всю совокупность индивидуальных особенностей лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние [7, с. 59].

Уязвимость представленных суждений очевидна. «Общественную опасность преступления» и «общественную опасность преступника» невозможно рассматривать в качестве обособленных конструктивных составляющих общественной опасности в целом. Общественная опасность деяния не существует вне ее источника и носителя, которым признается человек, пренебрегший своей обязанностью по воздержанию от совершения преступления. В противном случае подразумевается некая объективно выраженная вредоносность, лишенная материально-правовых свойств общественной опасности. Важно иметь в виду, что в качестве структурных компонентов общественной опасности законом предусматриваются исключительно ее характер и степень. При этом оба компонента общественной опасности вполне могут быть учтены законодателем в процессе конструирования уголовно-правовых санкций по формуле принципа справедливости. Фундаментальное требование ч. 1 ст. 6 УК РФ обеспечивается наличием в уголовном законе относительно определенных и преимущественно альтернативных санкций, не только ориентирующих правоприменителя в сравнительной тяжести преступлений, но и позволяющих суду проявлять необходимую инициативу при оценке конкретных обстоятельств содеянного и личности виновного лица.

Оценивая анализируемый критерий категоризации преступлений, К.А. Долгополов усматривает логическую ошибку законодателя в том, что он определяет общественную опасность деяния через меру наказания. Исследователь пишет: «Очевидно, дело обстоит наоборот, именно общественная опасность преступления определяет соответствующее ему наказание. Это значит, что мы можем устанавливать минимальные и максимальные пределы наказания только после того, как будут определены объект уголовно-правовой защиты и категория преступления» [8, с. 20]. Однако резонно предположить, что с логикой у законодателя все в порядке. Посредством срока наказания в виде лишения свободы он задает типовые уровни общественной опасности обобщенных групп преступлений, характер общественной опасности каждого из которых в отдельности уже выявлен и зафиксирован соответствующей диспозицией нормы Особенной частью уголовного закона. Методологически подобный подход несколько не разбалансирует общественную опасность конкретного преступления и строгость грозящего за его совершение наказания.

Зачастую исследователи пытаются усмотреть уязвимое место анализируемого критерия категоризации преступлений в использовании им исключительно верхней планки лишения свободы. На базе математических и статистических методик в научный оборот вводятся понятия «медиана наказания», «равный шаг наказания», «типовая санкция», призванные оптимизировать законодательный алгоритм классификации преступлений [9; 10; 11]. Однако фундаментальные основания их практического применения не наблюдаются. Исходя из главного посыла о том, что санкция нормы уголовного закона есть своего рода

отражение характера общественной опасности описанного в ее диспозиции деяния, не столь важно какой именно вид, срок или размер наказания будет служить ориентиром в процессе выделения категорий преступлений. Лишение свободы в этом плане можно считать вполне удачным вариантом. Обозначенное наказание предусматривается практически во всех уголовно-правовых санкциях и обладает весьма широкой «вилкой», позволяющей провести формальную грань между всеми обосновываемыми категориями преступных посягательств.

Вторым критерием, способствующим выделению категорий преступлений, законом обозначена форма вины. Ситуация с ним наукой уголовного права признается далекой от идеала. На главную проблему названного критерия неоднократно обращал внимание А.В. Иванчин. Он подчеркивает, что форма вины итак выступает показателем характера общественной опасности преступления. Использование таковой в качестве критерия категоризации преступлений является повторной оценкой одного и того же признака состава преступления [12]. Точку зрения А.В. Иванчина полностью разделяют Л.О. Кулева [13, с. 10-11].

В представленных суждениях есть своя логика. Форма вины действительно относится к статичному элементу состава преступления, определяющему важный аспект в характере общественной опасности учиненного деяния. Если исходить из того, что законодатель формирует санкции уголовно-правовых норм, учитывая все предусмотренные в их диспозициях типовые признаки состава преступления, то при определении критериев категоризации преступлений нет никакого резона делать акцент именно на умысле или неосторожности.

Без всякого сомнения, определяясь с формальными границами категорий преступлений, законодатель наряду с другими признаками криминообразующего состава обязан учитывать форму вины. Однако нет никаких весомых оснований для того, чтобы такого рода учет конвертировался в самостоятельный критерий категоризации преступлений. Необходимый баланс характера общественной опасности умышленного или неосторожного преступления и строгости предусмотренного за него наказания обеспечивается на нормотворческом уровне в конкретной норме уголовного закона. Справедливое соответствие диспозиции и санкции уголовно-правовой нормы является неотъемлемым атрибутом нравственной политики государства по решению поставленных перед отраслью уголовного законодательства задач. Поэтому установления пределов уголовно-правовой санкции вполне достаточно для предварительного вывода о возникшем уровне общественной опасности, характеризующемся всей совокупностью объективных и субъективных признаков, предусмотренных типовой диспозицией преступного посягательства.

Углубляясь в проблему глубже, позиции законодателя относительно рассматриваемого критерия выделения категорий преступлений можно найти некоторое объяснение. На фоне других конструктивных признаков криминообразующего состава формы вины достигли максимального уровня обобщения, который в количественном отношении превосходит даже результат категоризации преступлений. Форм вины две, тогда как категорий преступлений четыре. Между тем форма вины могла бы стать обоснованным критерием категоризации преступлений только при наличии трех важных условий. Во-первых, если бы законодатель преследовал цель по выделению двух, а не четырех уровней тяжести преступлений. Здесь сразу же необходимо подчеркнуть, что наличие четырех видов вины не является решением задачи по выделению четырех категорий преступлений. С точки зрения уровня своей общественной опасности преступления, совершаемые с прямым умыслом, и аналогичные преступления, совершаемые с косвенным умыслом, не обнаруживают между собой ощутимых отличий. Точно такая же картина складывается с однородными преступлениями, совершаемыми легкомысленно и по небрежности. Виды вины соответствующей формы полностью укладываются в стандартные рамки характера общественной опасности деяния, отраженного диспозицией уголовно-правовой нормы. Сказанное объясняет то обстоятельство, что в составах Особенной части уголовного закона традиционно

указывается форма вины и не выделяются ее виды. Значение видов вины проявляется исключительно на уровне правоприменения в ходе установления степени общественной опасности конкретного поступка.

Во-вторых, формы вины гипотетически могли стать единственным критерием категоризации преступлений, если бы только они определяли уровень общественной опасности совершаемых деяний. Однако в действительности это не так. Уровень общественной опасности неосторожных деяний во многом зависит от специфики деяния и тяжести последствия, предусмотренных объективной стороной криминообразующего состава. В свою очередь, уровень общественной опасности умышленных преступлений обусловлен еще более широким спектром объективных и субъективных признаков, закрепленных диспозицией уголовно-правовой нормы.

В-третьих, использование форм вины в качестве критерия категоризации преступлений актуально только тогда, когда не предполагается еще один критерий разделения преступлений на группы, разница общественной опасности умышленного и неосторожного деяния в котором уже учтена. Сущность одного критерия категоризации и преступлений не должна быть неотъемлемой составляющей другого. В противном случае высока вероятность нарушения уголовно-правового принципа справедливости.

Судя по содержанию ст. 15 УК РФ, обозначенные условия не соблюдены. Ставя цель по обоснованию четырех уровней общественной опасности, законодатель не в состоянии опираться только на формы вины. При этом строгость наказания, являющаяся еще одним критерием категоризации преступлений, сама по себе уже учитывает умышленность или неосторожность соответствующих деяний. Все изложенное служит доказательством того, что форма вины не вправе претендовать на роль самостоятельного критерия категоризации преступлений.

Представленные соображения отнюдь не умоляет значения форм вины в законодательной классификации преступлений. Однако механизм их учета целесообразно пересмотреть. На первоначальном этапе принципиально важно решить задачу по разделению категорий преступлений, которые должны и не должны охватывать деяния с умышленной и (или) неосторожной формами вины. Здесь возможны следующие варианты: категории, объединяющие деяния с одной из форм вины; категории, одновременно включающие умышленные и неосторожные деяния. В дальнейшем представленную дифференциацию необходимо отразить в ст. 15 УК РФ посредством критерия, которым выступает срок наказания в виде лишения свободы.

Разработанность уголовно-правовой теории вины позволяет утверждать, что на уровне характера общественной опасности между деяниями, совершаемыми умышленно и по неосторожности, наблюдается колоссальное отличие. Строго говоря, если при умышленном посягательстве лицо демонстрирует высокую готовность к причинению вреда объекту уголовно-правовой охраны, то в ситуации преступной неосторожности такого рода готовность стремится к минимуму. Особенно ярко сказанное подтверждается представленными в уголовном законе комбинациями интеллектуального и волевого моментов умышленной и неосторожной форм вины. Так, по логике гл. 5 УК РФ минимальная готовность к общественно опасному поведению свойственна человеку, совершающему преступление по небрежности. Он не только не допускает возможность наступления неблагоприятных последствий своего деяния, но даже ее не предвидит. Преступная небрежность в большей мере свидетельствует о недобросовестном отношении лица к правовым обязанностям, игнорирование которых при определенных обстоятельствах становится причиной наступления вредоносных последствий. Похожая картина наблюдается при легкомысленном поведении, оказывающем отрицательное воздействие на объект уголовно-правовой охраны. Предвидя возможность наступления общественно опасных последствий своего поведения, соответствующее лицо, хотя и без достаточных к тому оснований, но все же рассчитывает на их предотвращение. Не оправдывая внутреннюю самонадеянность виновного, нельзя игнорировать его стремление исключить общественно опасное последствие своего дей-

ствия или бездействия. Таким образом, открытой угрозы личности, общества государства, мира и безопасности человечества физическое лицо, демонстрирующее преступные легкомыслие или небрежность, не представляет.

Ситуация в корне меняется при совершении умышленного преступления. Умышленная форма вины характеризует ярко выраженную положительную реакцию лица на возможность или неизбежность наступления общественно опасного последствия своего деяния. Свойственное умыслу желание наступления вредоносных последствий, их сознательное допущение или безразличное к ним отношение свидетельствуют о том, что виновное лицо готово посягать на охраняемые уголовным законом объекты. Опасность от него для окружающих в разы превосходит угрозу, исходящую от человека, допустившего преступную неосторожность.

Показанное отличие в характере общественной опасности умышленных и неосторожных деяний важно четко отразить в категориях преступлений. Задача решается посредством определения маркера среднего уровня общественной опасности, который неосторожные деяния ни при каких обстоятельствах не преодолевают. С учетом общего количества обосновываемых категорий преступлений несложно прийти к выводу о том, что таковым выступает грань между категорией преступлений средней тяжести и категорией тяжких преступлений. Минимальный и максимальный пределы общественной опасности неосторожных деяний соответствуют двум из четырех категорий преступлений. Речь идет о преступлениях небольшой и средней тяжести. Тяжкие и особо тяжкие преступления неосторожные деяния охватывать не должны. В противном случае порог общественной опасности легкомысленных и небрежных деяний будет искусственным образом заводиться выше среднего уровня общественной опасности, придавая неосторожным преступлениям значение умышленных.

В контексте сказанного актуализируется еще один вопрос, связанный с возможностью признания характера общественной опасности умышленных посягательств ниже среднего уровня. Он обуславливает обоснованность отнесения умышленных деяний к разряду преступлений небольшой и средней тяжести. Объективный ответ на поставленный вопрос можно дать, принимая во внимание отраженную уголовно-правовым принципом вины идею субъективного вменения.

В соответствии с уголовно-правовой теорией субъективное вменение предполагает, что при оценке общественной опасности содеянного в приоритете всегда рассматриваются признаки его субъективной стороны. Объективные признаки, хотя и имеют высокое квалификационное значение, сами по себе в отрыве от вины уровень общественной опасности деяния не определяют. Подобное положение вещей закономерно, поскольку в противном случае создавалась бы основа для объективного вменения. Яркой иллюстрацией реализации идеи субъективного вменения служит соотношение общественной опасности лишения жизни человека по неосторожности и умышленно. Казалось бы, учитывая чрезвычайно высокую социальную значимость наступившего последствия в виде смерти человека, общественная опасность первого и второго деяний приблизительно одинаковая. Однако подобный вывод может сделать только обыватель, который руководствуется исключительно своими эмоциями. Учитывая требование принципа вины, законодателем принято совершенно иное решение. Причинение смерти по неосторожности без квалифицирующих признаков рассматривается на самом низком уровне общественной опасности, тогда как непривилегированное убийство достигает ее максимального предела.

Между тем необходимо учитывать, что вина является не единственным определяющим фактором характера общественной опасности деяния. Набор признаков, обуславливающих его типовой уровень, зависит от конкретной формы вины. В неосторожных деяниях основной упор делается на тяжести последствий, вызванных недобросовестным поведением обычного человека или представителя соответствующей профессии. Как правило, последствиями легкомысленных и неосторожных преступлений фигурируют вред здоровью человека или смерть потерпевшего. Иначе складывается ситуация с составами умышлен-

ных преступлений. Спектр признаков, определяющих характер общественной опасности умышленных преступлений, весьма широк. Он охватывает всевозможные сочетания деяний, последствий, способов, мотивов, целей и других криминообразующих признаков. Необходимо подчеркнуть, что в отличие от особенностей построения неосторожных деяний тяжкие последствия далеко не всегда рассматриваются обязательным признаком состава умышленного преступления. Нередко его стержень образует само деяние. При этом действия и акты бездействия, предусмотренные формальными составами преступлений, также создают различные по своему уровню угрозы охраняемым уголовным законом объектам. Например, характер общественной опасности клеветы (ст. 128¹ УК РФ) несопоставим с характером общественной опасности террористического акта (ст. 205 УК РФ), хотя оба преступления обладают формальным составом. В связи с этим умышленные деяния вполне могут отражать все уровни общественной опасности, предусмотренные категориями преступлений.

Обобщая изложенные тезисы, примерную редакцию ч. 2-5 ст. 15 УК РФ логично изложить следующим образом:

«2. Преступлениями небольшой тяжести признаются деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает трех лет лишения свободы.

3. Преступлениями средней тяжести признаются деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает пяти лет лишения свободы.

4. Тяжкими преступлениями признаются деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает десяти лет лишения свободы.

5. Особо тяжкими преступлениями признаются деяния, за совершение которых настоящим Кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание».

Представленная модель категорий преступлений не требует кардинальных изменений ст. 15 УК РФ. Однако суть обосновываемых идей касается не столько ее редакции, сколько соответствия общественной опасности деяния и грозящего за его совершение наказания на уровне уголовно-правовой нормы. Важно осознавать, что ключевой предпосылкой отнесения преступления к определенной категории служит конкретная санкция, воспроизводящая представление федерального законодателя об уровне общественной опасности соответствующего деяния.

Резюмируя изложенные суждения относительно понятия категорий преступлений и механизма их установления, сформулируем наиболее значимые выводы.

1. Категории преступлений представляют собой формально обособленные группы составов преступлений, вопрос о принадлежности к которым конкретных общественно опасных деяний решается судом исходя из обстоятельств содеянного и с учетом личности виновного лица. Алгоритм определения категории конкретного преступления предполагает два действия. По формально заданному критерию, позволяющему дифференцировать составы преступлений исходя из характера отражаемой ими общественной опасности, констатируется предварительная принадлежность совершенного деяния к той или иной категории. С учетом выявленной степени общественной опасности содеянного принимается решение о подтверждении предварительно установленной категории преступления или ее изменении на менее тяжкую.

2. Единственным формальным критерием категоризации преступлений логично признать срок наказания в виде лишения свободы. Форма вины не вправе претендовать на роль второго критерия категоризации преступлений, поскольку уголовно-правовая санкция учитывает все криминообразующие признаки состава преступления, включая умысел и неосторожность.

3. Умышленные деяния охватывают все заданные категориями преступлений уровни общественной опасности. Пределы общественной опасности неосторожных деяний ограничиваются категориями преступлений небольшой и средней тяжести. Категории тяжких и особо тяжких преступлений неосторожные деяния характеризовать не должны. В противном случае порог общественной опасности легкомысленных и небрежных деяний искусственным образом заводится выше среднего уровня общественной опасности, необоснованно придавая неосторожным преступлениям значение умышленных посягательств.

4. Предоставленная судам возможность изменения категории преступления на менее тяжкую развивает материальную составляющую понятия внутреннего убеждения судьи. Уголовно-правовое значение обозначенной категории заключается в том, что итогом основанной на праве и нравственности мыслительной деятельности судьи является сформированная убежденность относительно наличия преступления и уровне его общественной опасности.

Литература

1. *Кадников Н.Г.* Классификация преступлений по уголовному праву России: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Москва, 2000. – 53 с.
2. *Кленова Т.В.* Общественная опасность – истинное свойство преступления // Библиотека криминалиста. – Научный журнал. – 2013. – № 2 (7). – С. 136-144.
3. Уголовное право России: курс лекций. В 6 т. Т. 2. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2008. – 648 с.
4. *Сотсков Ф.Н.* Общественная опасность деяния в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2009. – 27 с.
5. *Лобанова Л.В., Ларионова Л.Н.* Об основании изменения судом категории преступления // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. № 4 (55). – С. 53-61.
6. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов/ под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. – Москва: Норма, Инфра-М, 1998. – 516 с.
7. *Трухин А.М.* Тяжесть преступления как категория уголовного права // Уголовное право. – 2005. – № 2. – С. 59-61.
8. *Долгополов К.А.* Влияние характера и степени общественной опасности совершенного деяния на назначение уголовного наказания // Виктимология. – 2015. – № 1(3). – С. 20-23.
9. *Валеев М.Т.* Типовая санкция как критерий категоризации преступлений // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – № 2 (8). – С. 29-34.
10. *Кондрашков Н.Н.* Меры наказания в законе и на практике // Социалистическая законность. – 1968. – № 2. – С. 20-26.
11. *Ратьков А.Н.* Правовое значение классификации преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2002. – 30 с.
12. *Иванчин А.В.* Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. – Москва: Юрлитинформ, 2011. – 208 с.
13. *Кулева Л.О.* Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в Общей и Особенной частях УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 2019. – 244 с.